Адмирал Арсений Головко

В Милютин

SHOUT
SHARE
IT

- Милютин В

Милютин В
Адмирал Арсений Головко

В. МИЛЮТИН

АДМИРАЛ АРСЕНИЙ ГОЛОВКО

В его дневнике есть такие строки:

"Когда было получено официальное сообщение о начале войны, в моем кабинете находились член Военного совета А. А. Николаев, начальник штаба флота С. Г. Кучеров, начальник политуправления Н. А. Торик. Не помню, кому пришла мысль спросить о возрасте присутствующих. Выяснилось, что среди нас нет никого старше 35 лет и ни один из нас не имеет опыта управления флотом в военное время на таком обширном и трудном морском театре".

Молодым флотом командовали молодые руководители. В июле 1940 года Арсения Григорьевича Головко вызвали с Амура, где он командовал флотилией, в Москву.

- Едем в Кремль, - сказал тогдашний нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов.

Их ждали. Головко впервые так близко увидел Сталина и членов Политбюро. Под пытливыми, изучающими взглядами смутился, стал выглядеть еще моложе. Внимательнее всех всматривался в этого невысокого, коренастого моряка с юношеским румянцем на загорелом лице нарком обороны К. Е. Ворошилов. Он же и заговорил первым, стал расспрашивать об Амуре: как дела на флотилии, в порядке ли корабли, как живут и учатся командиры и краснофлотцы. Когда Головко ответил, в разговор вступил Сталин;

- Послушаем товарища Кузнецова.

Нарком флота рассказал о Головко. Хотя ему всего 34 года, моряк он опытный. На флоте прослужил 13 лет. Служил матросом, младшим командиром, штурманом, минером, помощником командира миноносца, командиром дивизиона торпедных катеров, начальником штаба бригады, командиром дивизиона миноносцев, начальником штаба флота, командовал флотилией. Побывал за это время на Балтике и Черном море, Каспии и Тихом океане, на Севере и на Амуре. За плечами училище и академия.

Имеет и кое-какой боевой опыт: добровольцем сражался в Испании, был там советником командира республиканской военно-морской базы. Думающий, инициативный и волевой командир.

Только после этого речь пошла о Севере.

- Предложено назначить вас командующим Северным флотом, - сказал Сталин. Театр важный, очень сложный, открытый, по-настоящему океанский театр, не в пример Балтике или Черному морю. И не надо забывать, что во время различных войн в западных и южных европейских водах связь между западными государствами и Россией была более обеспеченной по северному направлению, нежели через балтийские порты...

Сталин подошел поближе, спросил, глядя прямо в глаза:

- Так что же, значит, товарищ Головко берется за это дело?

- Буду стараться, - отозвался Головко. - Но не знаю, как у меня выйдет...

- Должно выйти. Вы отвечаете перед страной, перед партией.

И вот он снова в Полярном, с которым расстался два года назад. На стене кабинета большая карта Северного Ледовитого океана и его побережья. Когда выдается свободная минута, командующий подходит к ней, вглядываясь в каждую извилину береговой черты, или сидит за столом, поджав под себя ногу, - детская привычка осталась на всю жизнь, - и изучает лоции северных морей. Однако таких минут выдавалось не так уж много, в кабинете командующего Северным флотом видели редко. Его флаг взвивался на мачте то одного, то другого корабля. В любую погоду корабль выходил в море. На крыле мостика часами стоял коренастый человек в широком матросском бушлате, и только фуражка с золотым шитьем на козырьке выдавала адмирала. Много позже, уже после войны, когда Арсений Головко поведет корабли в дальние плавания с дружескими визитами в разные страны, он будет вот так же стоять на крыле мостика в простом матросском бушлате - иной одежды в походе он не признавал.

Баренцево море. Оно почти не бывает тихим. Даже в безветрие перекатываются по нему свинцовые волны. Тяжелые, медлительные на просторе, они, приближаясь к берегу, как бы убыстряют свой бег, становятся выше, круче и с яростью набрасываются на черные скалы. Холмами вздымается ослепительно белая пена, словно брызги мгновенно замерзают на лету и превращаются в снег, тот самый, что даже в разгар лета заполняет лощины обомшелых коричневых сопок.

Бушует море в полярный день, продолжающийся несколько месяцев, когда солнце ни на минуту не прячется за горизонт, и еще неистовее в столь же долгую беспросветную полярную ночь. В любое время года здесь туманы и ветры. Чуть прояснится небо, моряки улыбнутся слабо греющему, никогда высоко не поднимающемуся солнцу, и вдруг налетит снежный буран. Все

скроется в белой мути, настолько густой, что матросы на палубе натыкаются друг на друга. И так же внезапно снова проглянет солнце, как будто и не было слепящей метели. Поморы эти неожиданные бураны метко прозвали зарядами: накопит небо меру ледяной дроби, пальнет ею по табуну гривастых волн и опять притаится, как охотник, заряжающий свой дробовик.

Даже многоопытные синоптики не могут предсказать, какую проделку выкинет Баренцево море через пару часов. Штиль сменяется ураганом, ясное небо дождем, снегом, туманом. Шеф-повар этой адской кухни - Гольфстрим - теплое течение из Атлантики. Его могучий поток находится в вечной борьбе с вечной стужей Ледовитого океана. Беспокойный атлантический гость доставляет уйму хлопот морякам. Но они не в обиде. Ведь это Гольфстрим с его теплом растапливает полярные льды и делает Баренцево море и его заливы судоходными круглый год.

Адмирал стряхивает снег с густых бровей, вытирает платком мокрое лицо. Оборачивается к матросу-сигнальщику. Тот в меховой ушанке, тесемки завязаны под подбородком - североморцы и летом в поход одеваются потеплее. На шапке и шинели матроса искрится снег.

- Как самочувствие?

- Порядок, товарищ адмирал. Такая погода на пользу - освежает.

Да, народ здесь привыкший ко всему. Тысячи парней на боевых кораблях. Приехали сюда со всех концов страны. Иной до этого и не видел моря, а о суровом Севере знал только из школьного учебника географий. А послужит год-два, и не отличишь его от потомственного помора.

В борьбе с трудностями люди закаляются и мужают быстро.

Ведь и сам Арсений Головко ни в детстве, ни в юности о море и не думал. Родился в казачьей станице Прохладной на Северном Кавказе, мечтал растить сады. Потому и рабфак закончил и в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию поступил. Но в 1925 году комсомол обратился к молодежи с призывом идти на флот. И вот паренек из казачьей станицы, оказавшись на палубе боевого корабля, навсегда связал свою жизнь с морем.

С отцовской любовью смотрит адмирал на матросов. Способные, развитые ребята. Адмирал по опыту своему знает; из таких выйдут первоклассные моряки. Главное, чтобы они больше бывали в море. На берегу человека моряком не сделаешь, сколько его ни учи. Моряки рождаются в походах. А плавать здесь есть где. От Шпицбергена до бухты Тикси - 6 тысяч километров - вот на каком пространстве действуют корабли Северного флота. Огромный театр. Жаль, что кораблей маловато. Беден пока флот.

Баз не хватает. На бескрайном пространстве побережье не обжито. Посылаешь корабли и высчитываешь, останется ли у них топлива на обратный путь - пополнить запасы негде.

Адмирал приглядывается к командирам кораблей, к офицерам, вникает в ход учения, старается побеседовать с каждым. Командир обязан учиться постоянно, неустанно. Ведь от его знаний зависят судьбы корабля и людей. И учиться в море в любую погоду, в сложнейших условиях, как бы это ни было трудно и опасно. А что со здешним морем шутки плохи, нельзя забывать ни на минуту.

Головко четвертый месяц командовал флотом, когда случилась беда с подводной лодкой Д-1. Она выполняла учебные задачи в Мотовском заливе. Береговые посты наблюдали, как лодка погрузилась. Несколько минут был виден ее перископ, потом он исчез. Прошли сутки - о лодке никаких вестей. Миновали все сроки пребывания под водой кораблей этого типа, а лодки все нет. Запросы по радио оставались без ответа. Береговые посты непрерывно освещали залив прожекторами (надвигалась уже полярная ночь) - тщетно.

Командующий вышел на миноносце на поиски. Сюда же были вызваны тральщики, спасательное судно ЭПРОН, снабженное металлоискателем. На несколько часов выглянуло хмурое солнце. И тогда с эсминца заметили на поверхности моря большое пятно - соляр и пробковую крошку. Вокруг плавали мелкие щепки. Из воды подняли матросскую бескозырку. Целую неделю адмирал с поисковыми судами провел в районе катастрофы. Лодка исчезла безвозвратно.

В чем причина ее гибели? Высказывались предположения, что она потоплена чужой лодкой или подорвалась на выставленных кем-то минах. Подобные версии были бы наиболее благоприятными для командования флота: тогда в какой-то мере снималась бы с него ответственность за катастрофу. Но адмирал решительно отверг их. Он был уверен, что все произошло из-за ошибки командира корабля. Подводные лодки этого типа, принимая балласт, погружаются очень быстро. По-видимому, командир не справился с управлением и не сумел удержать лодку от погружения за предельную глубину, и ее раздавило давлением воды. Именно это подтверждали щепки и пробковая крошка на поверхности моря.

Случай из ряда вон выходящий. Изучением его занимались многочисленные комиссии. Командира бригады подлодок сняли с должности. Командующему флотом объявили строгий выговор. Нашлись практичные и осторожные люди, которые советовали: чтобы впредь такое не повторялось, не разрешать подводным

лодкам погружаться на глубинах моря больше рабочей глубины лодки. Что ж, рекомендация как будто разумная, она гарантировала от несчастий. Но, по сути дела, это означало бы полное прекращение подводной подготовки: глубины в Баренцевом море везде во много раз превышают рабочую глубину любой подводной лодки, а Белое море с его подходящими глубинами к тому времени уже замерзло.

- Погружайтесь в устье Колы, - предлагали те же осторожные.

И снова командующий не согласился. Пресноводный речной бассейн - плохой полигон для моряка-подводника.

Ждать лета, когда вскроется Белое море? Но слишком беспокойно становилось на Западе. Вторая мировая война неумолимо приближалась к нашим границам. Удастся ли дожить до лета без войны?

До позднего часа засиживался А. Г. Головко в штабе вместе со своим давним другом Н. И. Виноградовым, новым командиром бригады подводных лодок. Взвесили все и стали продолжать подводную подготовку, не считаясь с риском. На море и в мирное время без риска не обойтись. Член Военного сове га А. А. Николаев, начальник штаба флота С. Г. Кучеров, начальник политуправления Н. А. Торик поддержали смелое решение. Подводники снова выходили в море в полярную ночь, в зимние штормы, погружались в любом районе, учились маневрировать на глубине. К маю 1941 года почти все экипажи лодок подошли к отработке важнейших задач боевой подготовки - к торпедным атакам.

Сложнее было с надводными кораблями. Многие из них поизносились, старые, имелось даже несколько миноносцев типа "Новик" еще дореволюционной постройки. В финскую кампанию они участвовали в боевых операциях и сейчас нуждались в серьезном ремонте. А ремонтных заводов мало, мощность их низка. И все же командующий приказал ремонт производить основательно, не жалеть на него ни времени, ни сил.

В строю оставалось всего несколько кораблей. А как же учить экипажи остальных? Командующий посылает офицеров, старшин и матросов ремонтирующихся кораблей на плавающие эсминцы. В походах идет усиленная учеба. Адмирал сам выходит в море, следит за тренировками и учениями, чтобы ни один час плавания не терялся даром.

Эсминцы на Севере были самыми крупными кораблями и считались основой боеспособности флота. В мае очередная инспекция проверила их готовность, обнаружила, что большинство кораблей находится в ремонте, и сделала удручающий вывод: "Флот не боеспособен".

Формально инспекция была права. Действительно, плохо, когда большинство кораблей прикованы к причалам. Но Головко с жаром доказывал, что моряки работают, не жалея сил, и максимум через две-три недели введут эсминцы в строй. Инспекция, возглавляемая мудрым адмиралом, поверила молодому командующему, потому и обошлось без "оргвыводов". А жизнь подтвердила дальновидность Арсения Григорьевича Головко: начало войны все корабли встретили в полной боевой готовности.

***

Североморцы с тревогой присматривались к тому, что творится на территории западного соседа. Гитлеровцы беспрепятственно хозяйничали в Финляндии, ввели в нее свои войска, заняли район Петсамо - старинную русскую область Печенгу, примыкавшую к тогдашней советско-финской границе. По данным разведки и по сведениям, полученным от беженцев - финнов и норвежцев, стало известно, что гитлеровцы подтянули к нашим рубежам горно-егерский корпус генерал-полковника Дитла, на аэродромах в окрестностях Петсамо больше сотни боевых самолетов, а в фиордах в полной готовности - надводные корабли и подводные лодки.

И хотя у нас с Германией по-прежнему существовал договор о ненападении, все понимали, что надо смотреть в оба - фашисты давно уже выдали свою разбойничью, вероломную натуру. Зверь готовился к прыжку.

В полдень 17 июня 1941 года над Кольским заливом появился немецкий самолет. Летел он низко, оперативный дежурный, выглянувший из окна, разглядел даже летчика в кабине. Фашист пролетел над бухтой Полярного, Кольским заливом, Ваенгой и.., спокойно ушел восвояси. Командующий бушевал: почему не стреляли батареи, почему не подняты истребители? Командиры признались: боялись что-нибудь напутать, ведь с Германией договор...

- Никакой договор не отменяет инструкцию: пресекать любое нарушение границы!

Вместе с А. А. Николаевым командующий объезжает батареи, аэродромы. Указание категорическое: появятся неизвестные самолеты - сбивать!

В конце суток (ни вечером, ни ночью не скажешь - стоял бесконечный полярный день) фашистские самолеты показались снова. На этот раз их встретил дружный огонь. Правда, безрезультатный - гитлеровцы летели на высоте свыше 7 тысяч метров.

Из Москвы пока не было указаний. Головко на свой страх и

риск переводит флот на повышенную готовность. До объявления войны оставалось еще пять дней, а на Севере корабли уже выходили в боевой дозор, направлялись на боевые позиции подводные лодки, на аэродромах летчики дежурных истребителей сидели в кабинах, готовые к вылету по первому сигналу.

Командующий пригласил к себе Н. А. Торика.

- Дела предстоят большие. Надо усиливать партийно-политическую работу на кораблях и в частях. Штаб флота выделил двадцать лучших офицеров. Политуправлению тоже не мешало бы направить, как говорится, на линию огня самых дельных своих работников. Там, на кораблях, они принесут больше пользы, чем на берегу.

Вместе обдумали кандидатуры. Политуправление (оно тогда называлось управлением пропаганды и агитации) послало на корабли и в соединения 15 своих работников.

По вопросам сухопутной обороны Северный флот оперативно подчинялся Ленинградскому военному округу. Головко встречается с командующим округом, договаривается о совместных действиях.

Дневниковая запись:

"21 июня. В течение суток над нашей территорией появились два фашистских самолета - один у полуострова Рыбачьего, второй в районе Териберки. Это значит, что гитлеровцы просматривают побережье Мурмана. Думаю, что они хотят выяснить, идут ли у нас перевозки из Белого моря и готовимся ли мы к отражению удара. Над Кольским заливом чужих самолетов не было, поэтому обошлось без воздушных тревог и стрельбы зениток.

...Просмотрел за чаем вечернюю сводку. Привлекли внимание данные воздушной разведки. В течение дня были обнаружены; на подходах к губе Петсамо тральщики; в самом порту, на рейде, пятнадцать тральщиков; на рейде Варде - транспорт; в Перс-фиорде - транспорт. В общей сложности за сутки из Петсамо вышли восемь транспортов и вошли в гавань три транспорта, два рыболовных траулера и один сторожевой катер.

Пока размышлял над сводкой, принесли радиограмму особой срочности.

Николаев, Кучеров и заглянувший "на всякий случай" Торик забыли про чай, когда я начал читать вслух радиограмму. В ней официально сообщалось, что немецко-фашистское командование стянуло войска (около двухсот дивизий) к нашей границе и что с часу на час надо ожидать их вторжения на территорию Советского Союза. Нам предписывалось перевести все части флота на повышенную готовность.

Фактически флот уже в этой готовности. Остается, как только

последует сигнал о всеобщей мобилизации, принять положенные по мобплану различные вспомогательные суда и помещения, а также запасников, приписанных к флоту.

Мало сил, недостаточно техники, но, по существу, мы готовы".

Сигналом по флоту все корабли и части приводятся в готовность No. 1.

В четыре часа утра 22 июня, в момент, когда фашистские бомбы обрушились на многие советские города, гул взрывов прокатился и над Полярным. Война началась.

Над Полярным, над Мурманском не стихают яростные воздушные бои. Советские батареи на полуостровах Рыбачьем и Среднем ведут огонь по фашистским кораблям, пытающимся выйти из Петсамо. На командование флота легло огромное бремя забот. Спешно проводится мобилизация, из угрожаемых районов эвакуируется население, не связанное с задачами обороны, армейцы просят морем перебросить резервы. Все это приходится делать под непрерывными вражескими бомбежками. Чтобы снизить активность фашистской авиации, командующий организует удары наших бомбардировщиков по аэродромам противника. Задача эта усложняется тем, что Москва требует: против Финляндии боевых действий пока не вести. Наше правительство давало правителям этой страны возможность отказаться от войны. Но те не использовали эту возможность. 26 июня Финляндия объявила войну Советскому Союзу. Что ж, придется им в конце концов пожинать то, что посеяли. Хотя у нас на Севере самолетов было мало, советские летчики усилили удары по вражеским аэродромам и другим важнейшим военным объектам.

Флот пополнился мобилизованными торговыми промысловыми судами. Их в экстренном порядке переоборудовали в сторожевые корабли, тральщики и минные заградители. Командующий лично знал многих их командиров. Сейчас он дал указание отделу кадров: сохранить этих опытных мореходов на их постах, представить к присвоению воинских званий, по возможности оставить в прежнем составе и команды их судов, а чтобы гражданские моряки быстрее освоились с флотскими порядками, включать в состав экипажей толковых офицеров и старшин. Обрадовала Головко весть о том, что по решению Государственного Комитета обороны на Север отправляются с Балтики по Беломорско-Балтийскому каналу несколько подводных лодок, сторожевых и торпедных катеров.

29 июня вражеские войска перешли в наступление. Гитлеровцы хотели захватить Мурманск, Кольский полуостров,

Кировскую железную дорогу, овладеть Архангельском. У противника было большое превосходство в силах. Части советской Четырнадцатой армии дрались за каждый клочок земли, но враг теснил их. Советским войскам с трудом удалось задержаться на рубеже реки Западная Лица. Это всего в 60 километрах от Мурманска. На перешейке полуострова Средний наши немногочисленные подразделения остановили врага на горном хребте Муста-Тунтури. На всех участках бои носили ожесточенный характер. Не считаясь с потерями, враг вводил все новые подкрепления.

Моряки понимали, что судьба Заполярья, судьба Северного флота решается сейчас на мурманском направлении. И флот не жалел сил, чтобы помочь сухопутным войскам. Командующий армией позвонил А. Г. Головко. За три дня боев артиллеристы частей, сражавшихся на перешейке полуострова Средний, израсходовали много снарядов.

- Сейчас у них остаток всего-ничего. Выручайте. Головко вызвал командира дивизиона миноносцев капитана 3-го ранга Е. М. Смирнова, командиров эсминцев "Куйбышев", "Урицкий" и двух сторожевых катеров типа "морской охотник". Объявил: они немедленно выходят в Мотовский залив, чтобы огнем своей артиллерии Поддержать пехоту. Кратко разъяснил обстановку:

- Нам нельзя терять Рыбачьего: кто владеет им, тот держит в руках Кольский залив. А Северный флот без него существовать не может. И государству он крайне нужен. Это наш океанский порт.

Головко понимал опасность, которой подвергался отряд: вражеские самолеты бомбят каждый корабль, появляющийся в море. Сознавали это и командиры кораблей. Тем более адмирал сразу сказал им, что надежного прикрытия с воздуха обещать не может: истребителей мало.

Корабли ушли. В шесть часов утра они уже открыли огонь по противнику. Организацию стрельбы взял на себя флагманский артиллерист флота капитан 2-го ранга Баранов. По его указанию катера доставили на берег корректировочные посты с радиостанциями, связались с армейским командованием, уточнили цели. Корректировали каждый залп.

Эсминцы вели огонь почти четыре часа. Били точно, армейцы остались довольны. Стрельбу пришлось прервать, когда в воздухе показалось около 40 вражеских бомбардировщиков. Они пикировали тройками, заходя вдоль корабля, от кормы к носу. Сбросили в общей сложности 80 крупных бомб. Умело маневрируя, командиры эсминцев уклонялись от ударов. Они спешили в открытое море, чтобы укрыться в надвигающейся полосе тумана.

Но одна из корректировочных групп осталась на берегу. Снять ее было поручено катеру под командованием лейтенанта И. А. Кроля. В этот момент фашистская авиация повторила налет. Не обнаружив больших кораблей, 18 "юнкерсов" обрушили удар на маленький катер, вооруженный всего двумя 45-мм пушками и двумя крупнокалиберными пулеметами.

По всем расчетам, по теории вероятностей, по всем тактическим нормам катер должен был погибнуть. Береговые посты доносили, что его порой невозможно разглядеть среди фонтанов разрывов. Стало известно, что катер поврежден. Вышло из строя рулевое управление, два из трех моторов. Но маленький корабль не прекращал борьбы. Командир неутомимо маневрировал: то давал единственному двигателю полный ход, то стопорил его, то давал задний ход, нарушая этим расчеты гитлеровских летчиков. А орудия израненного катера били и били по врагу.

- Второй самолет сбили! - восторженно доносили наблюдатели с берега.

Командующий флотом, внимательно следивший по их докладам за беспримерной схваткой одного катера с 18 самолетами, приказал выслать к месту боя две пары истребителей - все, что имелось в резерве. Но они не успели помочь катеру. Полчаса маленький корабль увертывался от бомб. Потом он исчез в тумане... И вдруг командующему докладывают:

- Кроль на проводе.

Головко хватает трубку. Кроль звонит из порта Владимир. С разбитой кормой, с еле работающим мотором катер приполз туда.

- Сейчас пришлем "морской охотник", возьмем вас на буксир.

- Не надо. Сейчас над морем ясно. Его заметят и станут опять бомбить. Зачем подставлять под удар второй катер? Лучше дождусь тумана и тогда сам приду...

И пришел. Вопреки всем предположениям. Да, на войне далеко не все подчиняется математике.

Несмотря на всю свою занятость, командующий спешит на пирс, чтобы пожать руки отважным. Сообщает лейтенанту И. А. Кролю, его помощнику лейтенанту А. В. Бородавке и рулевому Б. Н. Векшину, что они представлены к ордену Красного Знамени (позже командующему будет дано право самому награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета).

Звонок в редакцию флотской газеты: срочно - в номер! - организовать материал о подвиге экипажа катера Кроля.

Неистовствовала фашистская авиация, а корабли все же каждый день выходили в Мотовский залив, чтобы поддерживать огнем сухопутные войска. Взаимодействовала с пехотой и

авиация флота. Летчики в течение суток совершали до пяти боевых вылетов. Отдыхали урывками - пока техники заправляли самолеты горючим и подвешивали бомбы. Десятки малых судов доставляли войскам подкрепления, боеприпасы, продовольствие. И все же положение на сухопутном фронте оставалось крайне тяжелым. Войска таяли не по дням, а по часам. Беспрерывные бои вымотали солдат. Военный совет флота решил помочь фронту и людьми. Начали отбирать добровольцев, готовых сражаться на сухопутье.

Нелегко моряку расставаться с кораблем. Это его дом, здесь его боевая семья, поле его подвигов. Но на призыв Военного совета отозвался весь флот. В добровольцах недостатка не было. Отбирали лучших. За двое суток сформировали несколько отрядов общей численностью около 12 тысяч человек. Оружие, боеприпасы, снаряжение выделили корабли и флотские части. Командующий сам провожал отряды в путь. Наказывал не посрамить флотской чести. Снова и снова разъяснял людям, что надо любой ценой отстоять Средний и Рыбачий, Мурманский, Полярный, Кольский залив, ибо без них Северный флот существовать не может.

С грустью расставался адмирал с отборными моряками, квалифицированными корабельными специалистами четвертого и пятого года службы. Знал, что со многими не доведется больше увидеться.

Отряды флотских добровольцев с ходу вступали в бой, вливались в поредевшие ряды пехотинцев и вместе с ними сдерживали, а часто отбрасывали врага. Дрались за каждый метр каменистой тундры, за каждую сопку, скалу, расщелину. Даже там, где среди камней оставались в живых два-три бойца, враг не мог ступить ни шагу.

Чтобы облегчить положение сухопутных войск, по приказу адмирала Головко флот высаживает десанты в тыл вражеским частям. Первый десант сформировали всего за два часа. Доставили его к месту высадки на рыболовных судах. За ним последовал второй, третий, четвертый. Все они были крупными - от 500 до 1000 человек. Высаживались в светлое время, потому что по-прежнему стоял круглосуточный полярный день. Это было нарушением всех канонов, утверждавших, что главное для успеха десанта - скрытность подхода к вражескому берегу. Высадкой десантов командовал начальник охраны водного района капитан 1-го ранга В. И. Платонов, а общее руководство всеми силами десанта - войсками, кораблями, авиацией, артиллерией - брал на себя лично командующий флотом вице-адмирал А. Г. Головко.

Фашистское командование с прусской педантичностью - по

дням и даже часам расписало план захвата всех пунктов Советского Заполярья. По этому плану Мурманск должен был пасть 29 июня - через неделю после начала войны. Фашистская печать в этот день поторопилась объявить Мурманск взятым. Но прошли две-три недели, а берега Кольского залива гитлеровцы так и не увидели.

Меры, принятые советским командованием, сделали свое дело. Наступление фашистов на мурманском направлении захлебнулось. Где 35, где 40 километров меньше половины расстояния от границы до Мурманска - только и сумели пройти фашистские егеря за первые три недели войны. Дальше они не продвинулись ни на метр. Неприступной стеной стал для них и хребет Муста-Тунтури. Вскоре этот участок фронта целиком перешел к флоту. Позже здесь возник Северный оборонительный район во главе с генерал-лейтенантом С. И. Кабановым, прославившимся на Балтике во время героической обороны полуострова Ханко.

***

В очень трудные первые дни и недели войны на командование флота навалились проблемы, казавшиеся просто неразрешимыми. Налеты фашистской авиации вывели из строя Кировскую железную дорогу, прервав единственную магистраль, связывавшую Мурманск со страной. Флот остался без топлива. Пометка в дневнике командующего: "Нефти в обрез - только то, что есть на кораблях, - одна зарядка".

А в Кольском заливе скопилось полторы сотни судов торгового флота, транспорты, рыболовные траулеры, мотоботы. Им грозило уничтожение превосходство в воздухе оставалось за фашистской авиацией. Советские летчики проявляли чудеса героизма. И все же суда в Кольском заливе под постоянной угрозой. Надо их выводить в Белое море. Но как это сделать? Ни авиации, ни боевых кораблей для их прикрытия на переходе флот выделить не мог.

Адмирал Головко нашел выход. Попытаемся по отрывочным дневниковым записям проследить ход его рассуждений. Гитлеровцы привержены шаблону. Налеты их авиации повторяются, как правило, в одни и те же часы. В силу своей педантичности они не признают иных способов действий. "Прибегнуть же к тому, что не укладывается в их мышлении, значит почти наверняка преуспеть, замечает адмирал. - Короче говоря, не попытаться ли обойтись без конвоирования на переходе? Ведь фашистам и в голову не придет, что мы осмелимся пренебречь догмами и канонами в таком деле. Рискованно, конечно, отправить без прикрытия, без специального

охранения все это множество судов; но другого выхода нет. Если оставить их здесь, они могут быть потеряны; если же вывести отсюда и рискнуть на самостоятельный переход, какое-то количество судов будет определенно спасено".

И командующий решается пустить суда поодиночке, с разными интервалами, а тем временем отвлечь внимание противника налетами нашей авиации на его аэродромы, на Киркенес, Петсамо. Перед истребителями ставится задача перехватывать фашистских воздушных разведчиков, не дать им обнаружить суда на переходе.

Один за другим покидают Мурманский порт всевозможные суда - от океанских транспортов до зверобойных мотоботов. Они идут в одиночку, совершенно беззащитные. С тяжелым сердцем смотрит на них адмирал, когда они показываются на траверзе Полярного. О судьбе их не будет известно, пока не доберутся до Архангельска: чтобы противник не запеленговал суда, пользоваться радиосвязью им разрешено только в чрезвычайных случаях.

К концу вторых суток береговой пост Кильдина сообщил: последнее из судов обогнуло остров и легло курсом на восток.

Руководя боевыми действиями на суше, море и в воздухе, командующий ни на минуту не забывает о судах, которым предстоит пройти 450 миль - более 800 километров (морская миля - 1,8 километра). Можно себе представить его волнение, когда радио донесло сигнал бедствия с рефрижератора No3 Народного комиссариаты рыбной промышленности, с судна водоизмещением в 2 тысячи тонн: его атаковала вражеская авиация. На вызовы рефрижератор не ответил. Значит, погиб... Какую уже ночь не спит адмирал, вздрагивая при каждом звонке с радиоузла. Он понимает, насколько рискованно осуществляемое по его приказу предприятие, хотя и делается оно ввиду угрозы потерять все.

Днем поступило донесение из Архангельска. Командующий не верит ушам. Снова и снова переспрашивает.

"Ответ поразил не только меня, - записано в дневнике. - Все до единого суда прибыли в пункты назначения благополучно; не пострадало в пути ни одно. Сейчас они рассредоточены в Северной Двине. Что ж-; касается рефрижератора No3, то он третьи сутки преспокойно стоит у причала в Архангельске. Никаких повреждений не имеет. Целехонек и готов к плаванию. Оказывается, случайно пролетевший мимо судна "юнкере", вероятно разведчик, выпустил несколько очередей по рефрижератору. Две-три пули попали в стенку радиорубки, и радист самовольно, без ведома капитана, дал в эфир сигнал

бедствия, после чего закрыл вахту и, естественно, не слышал наших запросов.

До того приятно, что нет потерь, - даже сердиться на перетрусившего радиста не хочется... Итак, все суда - 150 единиц, которые еще очень пригодятся государству, - целы. Расчет оказался верным. Риск был необходим, целесообразен и поэтому оправдан. Теперь можно сказать: еще одно столкновение умов в войне на морс здесь, в Заполярье, выиграно нами".

Радость этой первой удачи на море огорчила трагедия у Гавриловских островов. Пять вражеских эсминцев внезапно напали здесь на советский отряд кораблей - два рыболовных траулера, которых сопровождал сторожевой корабль "Пассат", тоже вчерашний траулер, промышлявший треску, а теперь вооруженный двумя 45-мм пушками и двумя пулеметами. Завидя противника, командир "Пассата" старший лейтенант В. Л. Окуневич, приказав обоим траулерам идти к берегу, чтобы укрыться в бухте Гавриловской, сообщил по радио о нападении и ринулся навстречу врагу. Две сорокапятки против мощных орудий эсминцев - что они могли сделать? И все же моряки сторожевика, верные долгу, вступили в неравный бой, чтобы отвлечь на себя внимание фашистов и тем самым спасти траулеры. "Пассат" сражался до конца. Даже когда разбитый вражескими снарядами корабль носом уже погрузился в воду, кормовое орудие его продолжало бить по врагу. Фашистские эсминцы потопили и один из траулеров. Второй успел войти в бухту.

В течение часа погибли два судна и семьдесят три человека.

Никто из моряков не дрогнул в бою. Когда враг начал обстреливать шлюпки с погибших кораблей, они гордо встретили смерть: под пулями и осколками запели "Интернационал". Командующий высоко оценил героизм моряков. Но его мучит вопрос: почему случилось так, что вражеские корабли безнаказанно смогли расправиться с нашим конвоем? Медлительность штаба флота - вот тому причина, пришел он к заключению. Эскадренные миноносцы вышли к месту боя только через полтора часа после радиограммы Окуневича, то есть когда бой уже закончился. Поздно была выслана и авиация.

"В конечном счете все это - моя ошибка, - с горечью отмечает адмирал. Занятый сухопутными делами.., я перестал уделять достаточное внимание морской разведке...

Вывод на дальнейшее: внимание разведке, в первую очередь воздушной. Надо знать все, что происходит на театре, предвидеть намерения противника, учитывать его тактику и опережать его действия".

Подлинно мужественный человек, Головко никогда не перекладывал ответственность за промахи на плечи других. Он умел видеть свои ошибки и решительно исправлять их.

Когда спустя две недели четыре вражеских эсминца вновь вышли на морской разбой, разведка уже не запоздала сообщить об этом. Несмотря на туман, удалось проследить их путь. В море в это время находилось гидрографическое судно "Меридиан" - оно направлялось от маяка к маяку вдоль побережья с заданием принять на борт семьи маячных служителей, чтобы потом доставить их в Архангельск. Капитан судна по радио был предупрежден об эсминцах противника и получил приказ укрыться в бухте Восточная Лица, но не сразу выполнил его. Это погубило корабль. Эсминцы настигли судно у входа в бухту. Расстреливаемый в упор "Меридиан" затонул. Фашисты со звериной жестокостью добивали плававших в ледяной воде людей, в том числе женщин и детей. Но на этот раз нападение не оказалось безнаказанным. Заблаговременно поднятые с аэродромов советские самолеты в тумане разыскали вражеские миноносцы и атаковали их. Один из них был подбит, а затем потоплен.

Только 10 августа враг решился на новую вылазку. Тактика прежняя - скопом навалиться на тех, кто слабее. На этот раз объектом атаки трех вражеских эсминцев стал сторожевой корабль "Туман" - такой же переоборудованный траулер, как "Пассат". Он нес боевой дозор у острова Кильдина, когда над ним низко пролетел фашистский бомбардировщик. Командир корабля старший лейтенант Л. А. Шестаков сейчас же донес об этом.

(И снова горькое признание Головко: "Увы, нам еще не хватает оперативности мышления в новых условиях и умения анализировать уже известные факты, сопоставлять их с возможными намерениями противника на театре. В двух предыдущих случаях появление вражеских эсминцев было предварено воздушной разведкой и совпало по времени с нынешним случаем. Если бы сегодня мы учли это, если бы действовали быстрее, если бы все донесения были сделаны раньше, картина боя могла быть иной. Ибо где-где, а на войне время не ждет".) Бой снова показал силу духа наших людей во всем величии. Сторожевик со своими двумя сорокапятками вступил в бой с тремя боевыми кораблями. На сторожевике вспыхнули пожары, через пробоины врывалась вода, а экипаж сражался. Когда осколком снаряда перебило флагшток, раненый матрос Семенов подхватил флаг корабля и поднял его над головой. Герой получил вторую рану. На помощь ему подоспел радист Блинов. До последней минуты на гибнущем корабле

развевался флаг Родины.

В бой включилась расположенная на берегу наша батарея. Ее залпы отогнали фашистские эсминцы. Но спасти "Туман" уже было невозможно. Уцелевшие моряки сошли в шлюпки. Шестакова, убитого в начале боя, сменил лейтенант Л. А. Рыбаков. Он покинул тонущий корабль тридцать седьмым по счету, то есть последним, как положено командиру.

Отходившие от места боя вражеские эсминцы настигла поднятая командующим флотом авиация. Один из них был поврежден у острова Варде.

Гитлеровцы убедились, что впредь им не удастся безнаказанно нападать на советские корабли. Теперь они стали действовать куда осторожнее.

***

С первых же дней войны флот не только отбивался от врага, но и наносил ему удары. Они становились все чувствительнее. Наше командование верно определило самое уязвимое место противника - его морские коммуникации. Лапландская группировка гитлеровцев не могла существовать без связи с тыловыми базами в Норвегии. По суше здесь много не подвезти: железных дорог нет, а пропускная способность автомобильных дорог незначительна. Снабжение фронта, подвоз подкреплений фашисты могли осуществить только морем. Морем же они вывозили из Киркенеса и Петсамо столь необходимое им стратегическое сырье - никелевую руду.

Размышления над картой привели командующего флотом к выводу - если нарушить морские коммуникации врага, то его лапландской группировке будет не до наступления: не до жиру, быть бы живу. И Головко нацеливает на вражеские пути основную ударную силу флота - подводные лодки.

Налеты фашистской авиации вынудили перенести флагманский командный пункт флота в безопасное место - в убежище, вырубленное в огромной скале. Кабинет командующего здесь - крохотная комната. Вся ее обстановка - письменный стол с телефонами, несколько стульев и койка. Зато несомненно одно преимущество нового КП: рядом с кабинетом Головко - командный пункт бригады подводных лодок. Командующий в курсе всех дел подводников. Он знает, где действует каждая лодка, что она делает в данную минуту. Командир бригады Н. И. Виноградов имеет доступ к командующему в любой час дня и ночи. Головко, как правило, лично провожает в поход каждую лодку, подолгу беседует с командиром корабля, разъясняя задачу.

Условия для действий подводников сложились очень трудные. Берег на запад от Рыбачьего занят противником. Вдоль

всего побережья - вражеские посты наблюдения, батареи, аэродромы. Используя большие глубины прибрежных вод, гитлеровцы свои конвои вели почти вплотную к берегу, где во множестве удобных бухт и заливок были рассредоточены их сторожевые суда. В начале фашисты пускали транспорты без охранения. Но после первых же атак наших лодок стали водить их в конвоях - в сопровождении множества боевых кораблей и под постоянным прикрытием авиации.

И все же потери гитлеровцев на море росли с каждым месяцем. Боевой счет советские подводники открыли 14 июля, когда Щ-402 под командованием капитан-лейтенанта Н. Г. Столбова проникла в порт Хоннингсвог и двухторпедным залпом потопила стоявший там на якоре вражеский транспорт водоизмещением в 3000 тонн. 21 августа в порт Лиинахамари проникла "малютка" под командованием капитан-лейтенанта И. И. Фисановича и потопила еще одно неприятельское судно. 26 сентября в этом же порту атаковала немецкий транспорт подводная лодка М-174 под командованием капитан-лейтенанта Н. Е. Егорова. 2 октября М-171 капитана 3-го ранга В. Г. Старикова тоже непосредственно в порту торпедировала большое вражеское судно.

Пока не так уж много. Сказывался недостаток боевого опыта у командиров кораблей. Головко добивается, чтобы каждый поход был для них настоящей школой. Вместе с молодыми командирами в плавание отправляются старейшие подводники командиры дивизионов И. А. Колышкин и М. И. Гаджиев. Оба почти не бывают на берегу. Вернутся с моря и сразу же переходят на другие лодки, уже готовые отдать швартовы.

19 сентября над Екатерининской гаванью, прогремел орудийный выстрел. Это подводная лодка К-2 капитана 3-го ранга В. П. Уткина, на которой выходил в море Гаджиев, оповестила об одержанной победе. Подводники потопили вражеский транспорт. Причем впервые на Севере подводная лодка успешно использовала свое артиллерийское оружие (на этих типах лодок стояли мощные орудия) С тех пор победные выстрелы - по числу потопленных кораблей - стали традицией подводников-североморцев.

Осенью Северный флот к имевшимся пятнадцати подводным лодкам получил еще восемь, переведенных из Ленинграда. Возможности действий на вражеских коммуникациях расширились. В сочетании с возросшим опытом подводников это способствовало достижению новых боевых успехов. В декабре общее водоизмещение атакованных и потопленных североморцами вражеских судов составило 66 тысяч тонн.

Подводники уже привыкли к тому, что когда лодка после похода возвращается в родную гавань, на пирсе ее встречают командующий флотом и командир бригады. Адмирал обходит выстроившихся на палубе моряков, поздравляет с победой, каждому жмет руку. Здесь же, на, корабле, он выслушивает доклад командира, потом ведет офицеров лодки на флагманский командный пункт, где начинается обстоятельный разговор о подробностях похода, удачах и ошибках. Так общими усилиями были выяснены причины низких результатов атак в первые месяцы войны: командиры экономили торпеды и старались поразить цель одним выстрелом. Это часто приводило к промахам. Капитан-лейтенант Малышев, например, в одном походе пять раз выходил в атаку, и каждый раз торпеда проходила мимо цели. И только шестая атака завершилась победой. Да и то лишь потому, что командир сблизился с целью на "пистолетный выстрел". Когда обсуждался этот поход, командующий хлопнул ладонью о стол:

- Хватит. Такая экономия слишком дорого нам обходится. Если бы Малышев вместо одиночных выстрелов давал двух-трехторпедные залпы, то из шести атакованных им транспортов по крайней мере три были бы потоплены. Жалеть в таком случае торпеды не следует.

Все командиры перешли к залповой стрельбе. Это очень скоро дало результаты. После очередного похода подводная лодка Щ-421, которой в то время командовал капитан 3-го ранга Н. А. Лунин, отсалютовала трижды. А Д-3 капитан-лейтенанта Ф. В. Константинова, применяя залповый метод стрельбы, в течение одного плавания успешно атаковала четыре вражеских транспорта.

В декабре вернулась в Полярный подводная лодка капитана 2-го ранга В. Н. Котельникова, на которой выходил в море командир бригады Н. И. Виноградов. Командующий флотом поджидал ее на причале. Не дожидаясь, когда корабль отшвартуется, адмирал вбежал на ходовой мостик, крепко обнял Котельникова.

- А знаете, что вез транспорт, который вы потопили?

- Нет, товарищ командующий.

- Полушубки он вез для лапландской группировки. Двадцать тысяч полушубков. Сами немцы в газете плакались: русские, мол, воюют не по правилам, бесчеловечно. Горные егеря теперь простудиться могут...

Моряки дружно смеются.

- Пусть егеря на морозе попляшут!

- Мы их в гости не приглашали!..

Начальник береговой базы капитан 3-го ранга Морденко вручает Котельникову живого поросенка. Это тоже стало традицией - экипаж лодки после похода получает в подарок столько поросят, сколько потоплено кораблей. Потом поросята в зажаренном виде будут украшением праздничного обеда, на который экипаж лодки пригласит боевых товарищей с других кораблей. Головко и Николаев, если позволяло время, охотно бывали на этих встречах. Командующий любил вместе со всеми порадоваться победе. Он умел и веселую застольную беседу сделать задушевной и полезной. Здесь снова во всех деталях - драматических, а то и смешных - обсуждались перипетии боевого похода, подчас вносились очень деловые предложения. И вся атмосфера таких встреч согревала души подводников, наполняла сердца гордостью за свои дела, за то, что вокруг такие чудесные, верные друзья, Командующий требовал от подводников непрестанно совершенствовать тактику борьбы. Гитлеровцы, стремясь уберечь транспорты от атак наших кораблей, маршруты конвоев прокладывали в шхерных районах, среди островов. Здесь на небольших глубинах легче было отгородиться от моря минными полями. Мины и противолодочные сети, сторожевые посты и батареи на островах еще более усложняли действия наших лодок. Да и обнаруживать конвои среди бесчисленных островов стало значительно труднее.

Раньше каждой подводной лодке выделялась строго определенная позиция, за пределы которой она не могла выходить. Жизнь показала, что разграничительные полосы сковывали инициативу командиров, мешали использовать боевые возможности кораблей. Уже в начале 1942 года на Севере перешли к новому, более совершенному способу использования подводных лодок - к крейсерству в ограниченном районе, что открывало подводникам условия для широкого маневра. Эффективности действий подводников способствовало улучшение воздушной разведки, привлечение самолетов для наведения лодок на цель, а в дальнейшем и организация непосредственного взаимодействия между подводными, надводными кораблями и авиацией.

Однако до самого конца войны подводникам приходилось преодолевать много трудностей. За время похода каждая из лодок не раз форсировала минные и сетевые заграждения. Противник непрерывно усиливал охранение конвоев. Если гитлеровцы обнаруживали подводную лодку, на нее обрушивались сотни глубинных бомб. Не раз случалось, что подводная лодка вырывалась от преследования отчаянным маневром: всплывала и, пускала в ход артиллерию.

Командующий флотом, наблюдая за действиями подводников, принимал все меры, чтобы помочь попавшему в беду кораблю. Так было со Щ-402 Столбова. Лодка успешно атаковала крупный транспорт, тральщик и еще одно небольшое судно. Когда удалось оторваться от противника, обнаружившего "щуку", оказалось, что в поврежденных бомбежкой цистернах не осталось топлива. Моряки собрали из неизрасходованных торпед керосин, смешали его со смазочным маслом, и на этом "ерше", как шутили потом подводники, им удалось отойти подальше в море. Но вот дизеля встали, на этот раз окончательно. Лодке грозила неминуемая гибель.

Узнав об этом, Головко спросил у командира бригады:

- Какая лодка готова к выходу?

Таких не оказалось. К-21, которой теперь командовал Лунин, стояла на ремонте, ремонт ее должен был закончиться через четыре дня. Головко вызвал командира:

- Вам нужно немедленно выходить, спасать Столбова.

Подводники приложили все силы, и через несколько часов "катюша" - большая крейсерская лодка - взяла курс в море. Бушевал шторм. С трудом Лунин разыскал поврежденную лодку, на огромной волне, грозившей разбить оба корабля, сблизился со Щ-402 и передал ей топливо. Обе лодки благополучно возвратились в Полярный.

Трагически сложилась судьба Щ-421, которую принял Видяев у Лунина, когда тот перешел на К-21. В этом походе участвовал И. А. Колышкин. "Щука" отправила на дно вражеский транспорт. Но радость подводников была недолгой. 8 апреля лодка подорвалась на мине. Взрывом срезало оба винта. Корабль потерял ход и не имел возможности погружаться. А вражеский берег был рядом. Подводники заделали пробоины, собрали брезентовые чехлы, сшили из них паруса и подняли их на перископ, заменивший мачту. Так удалось отойти от берега. Радист отремонтировал поврежденную рацию, и Колышкин доложил на базу о случившемся. Через несколько часов на лодку поступила радиограмма командующего флотом, в которой сообщалось, что на помощь направляется К-22. Вскоре поступила еще одна депеша, подтверждающая и дополняющая первую: "Подводной ледке К-22 приказано следовать с позиции вам на помощь. В случае невозможности спасти лодку спасайте людей, лодку уничтожьте".

Командир К-22 на полном ходу вел своп корабль к месту катастрофы. Наконец корабли сблизились. Моряки "катюши" попытались взять "щуку" на буксир. Но крупная океанская зыбь рвала тросы. Оставался один выход - снять людей, а

поврежденный корабль потопить. Видяев не хотел расставаться с родным кораблем. Проводив всех моряков на "двадцать вторую", он и Колышкин остались на палубе одни. До них донесся голос Котельникова: "Это приказ комфлота. Уходите, иначе погубим оба корабля".

Сначала Колышкин, потом Видяев - обязанность и право командира покинуть корабль последним! - поднялись на мостик "катюши". И вовремя: над морем показался вражеский самолет.

В полдень 10 апреля К-22 вошла в гавань Полярного. Дважды отсалютовав (она потопила в этом походе два неприятельских судна), "катюша" подняла позывные Щ-421 и выстрелила еще раз, возвестив о последней победе погибшей лодки.

Флот непрерывно пополнялся подводными лодками. Пять из них пришли на Север с Дальнего Востока, совершив беспримерный в истории подводного плавания переход через Тихий и Атлантический океаны общей протяженностью около 17 тысяч миль.

Все новые корабли давали подводникам Севера героические труженики судостроительных заводов. С особым волнением встречали североморцы лодки, построенные на средства, собранные трудящимися. Принимали такие корабли торжественно, об этом заботились командующий и политуправление флота.

...На палубе одной из "малюток" выстроились моряки, а среди них, на правом фланге, - люди в гражданской одежде. Под звуки "Интернационала" на мачте взвивается военно-морской флаг. Из строя выходят представители трудящихся Ярославской области - секретарь Рыбинского горкома комсомола Михаил Зыбин, колхозница Анфиса Щукина, агроном Антонина Малышева и мастер резинокомбината Александра Соболева. С короткими речами они обращаются к экипажу корабля, к морякам, заполнившим причал. Говорят о том, что комсомольцы Ярославской области собирали деньги на этот корабль. Новая лодка получает название "Ярославский комсомолец". Командир корабля капитан-лейтенант Федор Лукьянов от всего сердца благодарит ярославцев за замечательный подарок Северному флоту, заверяет, что экипаж лодки не пожалеет ни сил, ни жизни самой во имя победы.

К Лукьянову подошел командующий флотом.

- Все ваши люди сознают, какой корабль им доверяют? Вам же теперь будут завидовать все подводники Севера. Ваш корабль должен стать лучшим на флоте!

Встреча с ярославцами запомнилась всем североморцам. С точки зрения воспитания она стоила десятков самых ярких бесед

и лекций о связи армии с народом и их единстве. Ничто не может так затронуть сердца людей, как подобное реальное, осязаемое доказательство заботы народа о своем флоте, о своих сынах-моряках.

Спустя короткое время экипаж "Ярославского комсомольца" сообщил ярославцам о своей первой победе. Она была добыта дерзко и смело - лодка прорвала две линии вражеского охранения и с короткой дистанции торпедировала транспорт, нагруженный боеприпасами. Страшный взрыв потряс море. Он был настолько силен, что сама лодка получила небольшие повреждения.

Семья кораблей, построенных на трудовые сбережения молодежи, росла. Появились лодки "Челябинский комсомолец", "Новосибирский комсомолец", "Ленинский комсомол".

Командующий нацеливал на вражеские коммуникации не Только подводные лодки, но и другие силы флота. Много он работал с летчиками. Вначале результаты их ударов по конвоям были сравнительно низкими. Объяснялось это тем, что в распоряжении морских летчиков было много типов самолетов. Летали они на МБР-2 - тихоходных, слабо вооруженных летающих лодках и на устаревших СБ. Только в 1942 году на смену этим машинам пришли более совершенные ПЕ-2 и ИЛ-4. Но дело было не только в технике, а в приемах ее боевого использования. Бомбовые удары с больших высот редко приносили победу. Не могли похвалиться большими успехами и торпедоносцы.

Заглянем снова в дневник адмирала.

"Как известно, существуют два способа торпедирования - высокое, похожее на обычное бомбометание с горизонтального полета, и низкое. Если сбросить торпеду с большой высоты, то для самолета в таком случае меньше опасности быть сбитым, зато вероятность попадания торпеды в цель гораздо меньшая. Если же сбросить торпеду на бреющем полете в пятистах-восьмистах метрах от цели, то, конечно, опасность для самолета возрастает, ибо атакуемый корабль и его охрана вводят в действие не только зенитную артиллерию, но и вообще все, что способно стрелять. В таком случае торпедоносцу приходится преодолевать весьма плотную огневую завесу, точнее - идти в огне.

Мы на флоте решились на это, поскольку надо было топить суда противника наверняка, чтобы сорвать его попытки изменить положение на сухопутном фронте, и результаты сказались немедленно".

29 июля 1942 года два торпедоносца, ведомые капитаном И. Я. Гарбузовым, обнаружили в Варангер-фиорде караван вражеских судов. Летчики со стороны солнца сблизились с наиболее крупным транспортом. Сбросили торпеды с дистанции

400 метров. Транспорт водоизмещением 15 тысяч тонн пошел ко дну.

За летнюю кампанию 1942 года морские летчики потопили 12 вражеских судов. Потери противника резко возросли в переломном 1943 году. Летчики-североморцы разнообразили тактику действий. Наряду с крейсерством ("свободной охотой") одиночных торпедоносцев применялись массированные удары, в которых торпедоносцы, бомбардировщики, штурмовики действовали совместно.

А. Г. Головко со своего командного пункта мог включаться в волну любой радиостанции, работающей на флоте. И он следил за каждым боем летчиков. Высокую оценку он дал группе из трех торпедоносцев, ведомой гвардии капитаном А. З. Величкиным. Под прикрытием девятки истребителей торпедоносцы атаковали конвой из 14 судов. Атаку вели с двух бортов, чтобы затруднить противнику маневр уклонения от торпед. Истребители в это время штурмовыми действиями подавляли зенитную артиллерию врага. Результаты удара - один транспорт потоплен, другой поврежден. На обратном пути самолеты подверглись нападению дюжины "мессершмиттов". Потеряв три машины, гитлеровцы отказались от боя.

- Молодцы! - похвалил летчиков адмирал. - Но впредь старайтесь удары наносить более массированно.

Разведка донесла об очередном вражеском конвое. Командующий авиацией доложил А. Г. Головко план удара. В атаке будут участвовать четыре тактические группы: шесть штурмовиков, шесть пикирующих бомбардировщиков, три высотных торпедоносца, три низких торпедоносца. Истребительное прикрытие - 30 самолетов. Самолеты-разведчики ведут непрерывное наблюдение за конвоем и наводят на него ударные группы.

Адмирал одобрил план. На этот раз действия летчиков отличались особой четкостью. Бомбардировщики, штурмовики и высотные торпедоносцы своими предварительными атаками ослабили оборону конвоя и расстроили его боевой порядок. Воспользовавшись этим, низкие торпедоносцы нанесли точный удар. Были потоплены транспорт и сторожевик и повреждены два транспорта. Истребители, вызванные противником, пытались оказать противодействие нашим летчикам, но ничего не могли поделать. Потеряв пятнадцать машин, они вынуждены были отступить.

Адмирал, вслушиваясь в голоса летчиков, ведущих жаркий бой, радовался каждой удаче, восхищался отвагой героев. Но случалось, что торжество победы омрачалось утратами. Так было,

когда торпедоносец капитана А. А. Баштыркова метко поразил вражеский транспорт, но сам получил повреждение и загорелся. Герой-коммунист из последних сил довернул пылающий самолет. Адмирал и все, кто был на флагманском командном пункте, услышали последние слова летчика:

- Атакую второй транспорт. Прощайте, друзья! Ценой своей жизни капитан А. А. Батптырков и стрелок-радист сержант В. Н. Гаврилов потопили еще один транспорт противника.

Спустя некоторое время их подвиг повторили летчик капитан В. Н. Киселев и штурман старший лейтенант М. Ф. Покало. По представлению Военного совета флота всем им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Одной из важнейших задач Северного флота на протяжении всей войны была охрана своих внешних и внутренних коммуникаций. По северным морям пролегал путь союзных конвоев. Шли они из Америки и Англии. До Медвежьего их безопасность обеспечивал британский флот, восточнее этого острова - наш Северный. Гитлеровцы понимали значение для Советской страны северных морских коммуникаций и стремились во что бы то ни стало нарушить их. В портах Норвегии фашисты сосредоточили десятки крупных кораблей, в том числе линейные корабли "Тирпиц", "Адмирал Шеер", "Лютцов" (бывший "Дейчланд"); тяжелый крейсер "Адмирал Хиппер", легкий крейсер "Кельн", эскадренные миноносцы, подводные лодки, а также большое количество авиации. В Ледовитом океане разгорались жаркие бои. На прикрытие конвоев командующий флотом выделяя основные силы, имевшиеся в его распоряжении, - эскадренные миноносцы, противолодочные корабли, истребители.

В марте 1942 года конвой под условным обозначением PQ-13 уже в 150 милях от Мурманска подвергся нападению фашистских кораблей. Флагманский корабль английского эскорта крейсер "Тринидад" был торпедирован. На помощь ему поспешили наши эскадренные миноносцы "Гремящий" и "Сокрушительный". Общими усилиями один фашистский эсминец был потоплен, два других повреждены. "Тринидад" и сопровождавшие его английские корабли были вынуждены оставить конвой. Охрана его целиком легла на наши эсминцы. Им пришлось отражать атаки вражеских подлодок и авиации. "Гремящий" потопил одну из лодок и сбил вражеский бомбардировщик. Конвой без потерь прибыл в Мурманск.

Но такой успех достигался далеко не всегда. У адмирала сердце обливалось кровью, когда транспорты с ценнейшими грузами, прошедшие много тысяч миль, гибли, так и не достигнув цели.

В этом нельзя было обвинять их команды - моряки честно выполняли свой долг. Гибель судов подчас происходила из-за того, что союзное командование, вместо того чтобы до конца отстаивать транспорты, приказывало топить их при малейшем повреждении. Головко не раз поднимал протест против инструкции Британского адмиралтейства своим эскортным кораблям - расстреливать и добивать все поврежденные фашистами транспортные суда.

В мае в Очередном союзном конвое следовал советский теплоход "Старый большевик". Поход был трудным. За трое суток экипаж нашего судна отбил сорок семь атак фашистских самолетов. Бомба попала в полубак транспорта, вызвала пожар. Экипаж боролся с огнем и продолжал отбиваться от врага. А в это время с английского флагманского корабля эскорта поступил приказ: немедленно покинуть транспорт. Тут же было сообщено, что судно будет потоплено, чтобы не досталось врагу.

В ответ на мачте советского транспорта взвился флажный сигнал: "Мы не собираемся хоронить судно". Тогда конвой ушел, оставив горящий теплоход и его экипаж среди океана.

Много часов моряки спасали судно от огня, устраняли повреждения. Когда машина снова заработала, теплоход догнал конвой и вместе с ним благополучно прибыл в Мурманск, доставив в целости весь груз.

Головко посетил теплоход, горячо поблагодарил моряков.

- А вы знаете, поступила радиограмма из Британского адмиралтейства.

- Что, требуют отдать нас под суд за невыполнение приказа? - спросил капитан теплохода.

- Нет, адмиралтейство шлет вам приветствие и даже благодарность. Как видите, и на них подействовало.

Советское правительство высоко оценило подвиг "Старого большевика". Теплоход был награжден орденом Ленина, а три моряка экипажа - капитан И. И. Афанасьев, первый его помощник М. П. Петровский и рулевой Б. И. Аказенок стали Героями Советского Союза.

Командующий принимал все меры, чтобы защитить конвои. Группы наших самолетов, несмотря на то, что враг еще удерживал превосходство в воздухе, наносили удар за ударом по фашистским базам и аэродромам, снижая тем самым активность авиации противника. Головко посылает все имевшиеся под рукой истребители на прикрытие конвоев. И все же потери судов не удалось избежать.

Глава постоянной британской военно-морской миссии в Полярном контр-адмирал Фишер с горечью сообщил советскому

командующему о гибели английского крейсера "Эдинбург", сопровождавшего конвой, который направлялся из Мурманска на запад. Оказалось, в бою крейсер лишился винтов и руля. Он оставался на плаву и мог на буксире возвратиться в один из наших портов. Но экипаж поспешил покинуть крейсер, и тот был добит своими же кораблями.

- А груз? - воскликнул Головко.

- Все пошло ко дну, - горестно вздохнул Фишер.

- На русском языке это называется преступлением. Преступлением! Вы же знаете, что вез крейсер?

Да, английский адмирал знал. На борту "Эдинбурга" находилось 10 тонн золота в слитках стоимостью в 100 миллионов рублей - плата Советского Союза Англии за поставки военных материалов.

Самая страшная трагедия постигла конвой PQ-17. 34 транспорта и 21 корабль эскорта шли под прикрытием двух линкоров, шести крейсеров, авианосца и девяти эсминцев. Огромные силы! Но вот 5 июля англичанам стало известно, что в море вышла немецкая эскадра в составе линкоров "Тирпиц", "Адмирал Шеер" и группы миноносцев. И тотчас Британское адмиралтейство отозвало все свои корабли прикрытия, а транспортным судам предоставило "право самостоятельного плавания" в советские порты одиночным порядком, без охранения, курсами по своему усмотрению.

Когда Головко доложили об этом, он не поверил ушам. Ведь английские военно-морские силы, сосредоточенные вокруг конвоя, по меньшей мере впятеро превышали силы фашистской эскадры. И все же английские корабли бросили транспорты на произвол судьбы!.. И это за границами операционной зоны советского флота, так что и он ничем не мог помочь беззащитным судам.

Головко в отчаянии смотрел на карту. Что делать? С часу на час фашистская эскадра нападет на транспорты. Адмирал использует единственную имевшуюся в его распоряжении возможность. Он отдает приказ подводным лодкам, находящимся на позициях: следовать наперерез фашистской эскадре и атаковать ее. Из всех лодок это могла сделать лишь К-21 капитана 2-го ранга Н. А. Лунина, находившаяся ближе всего к противнику. Задача казалась невыполнимой. При незаходящем солнце полярного дня и в полный штиль лодку легко могли обнаружить вражеские самолеты-разведчики, которые вели фашистскую эскадру к месту обнаруженного ими конвоя, Командир советского подводного корабля не колебался ни секунды. Лодка двинулась навстречу врагу. Она проникла в центр фашистской эскадры.

Прицелиться носовыми аппаратами не удалось: в самый последний момент корабли изменили курс. Тогда подводники выстрелили четырьмя торпедами из кормовых аппаратов по самому крупному кораблю. Раздалось два взрыва. Потом раскатистый гул, продолжавшийся двадцать секунд, и еще два взрыва.

Дерзость удалась. Ошеломленный противник даже не смог обнаружить лодку, и она благополучно ушла от опасности. Две ее торпеды попали в "Тирпиц", одна - в миноносец, который затонул, а длительный гул, услышанный подводниками, вызвали глубинные бомбы, взорвавшиеся на его борту.

Фашисты не захотели дальше испытывать судьбу. Сомкнувшись вокруг поврежденного, сбавившего ход "Тирпица", вражеская эскадра повернула к берегу.

Но участь рассыпавшихся по океану союзных транспортов оставалась безрадостной. За одинокими судами яростно охотились фашистские подводные лодки и самолеты. Советские эсминцы, высланные Головко, в течение трех недель бороздили океан до самой кромки паковых льдов, собирая транспорты. Из 34 судов удалось спасти лишь 11. Погибли 122 тысячи тонн грузов и сотни людей.

К счастью, ни один конвой больше не нес таких потерь. Британское адмиралтейство стало более тесно взаимодействовать с советским флотом.

10 октября 1943 года командующего флотом вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. В кабинете Сталина были почти все члены Политбюро, а также руководители Наркомата морского (транспортного) флота и Главсевморпути. Ставка заслушала доклад А. Г. Головко об обстановке на театре, о действиях флота. Потом речь зашла о защите внутренних коммуникаций. Командующему пришлось выслушать немало справедливых упреков. Сосредоточив все внимание на обороне Заполярья, борьбе с фашистскими конвоями и обеспечении внешних морских перевозок, моряки ослабили действия по прикрытию Северного морского пути. В результате в Карское море проникли мощные фашистские надводные рейдеры и подводные лодки. Несмотря на героизм экипажей находившихся в этом районе наших небольших кораблей, враг нанес здесь существенные потери транспортному флоту. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала в кратчайшие сроки выправить положение. Ее решением флоту были выделены новые корабли, крупные силы авиации. На прощание командующему было сказано:

- Не забывайте: Северному флоту предстоит трудная и важная

задача. Государственная задача...

В дневнике Головко появляется запись:

"...надо учесть на будущее совет, полученный в Ставке: правильное и эффективное использование маневренности сил флота требует прежде всего маневренности мышления тех, от кого зависит управление этими силами".

Через несколько дней флот получил сотню самолетов. А еще через некоторое время на аэродромы Заполярья приземлилась целая дивизия авиации дальнего действия. Поступили пять тральщиков и пять больших охотников.

Теперь стало легче.

Повысили активность и английские корабли, действовавшие в своей операционной зоне. Конвои стали приходить с минимальными потерями.

А командующий все думал над тем, как сделать удары по врагу еще сокрушительнее. Настойчиво и терпеливо он добивался тесного взаимодействия различных сил флота. Герой Советского Союза И. А. Колышкин, ставший к тому времени командиром бригады, вспоминает:

"...Зайдет с утра командующий - благо его ФКП неподалеку.

- Чем заняты, Иван Александрович?

- Да ведь как обычно.

- Собирайтесь, поедемте в авиацию.

У летчиков сегодня крупная операция, и мы едем на их КП, чтобы из первых рук узнать, как она проходит. Это не пустая трата времени. Оказывается, и у авиаторов подводник может почерпнуть для себя много полезного. Яснее становится обстановка на театре, лучше ощущаешь пульс оперативной жизни флота и четче представляешь роль и возможности своей бригады".

Здесь же, на таких встречах представителей моряков и летчиков, намечались совместные действия, планировались новые удары по врагу.

В результате коллективного творчества подводников и летчиков был освоен так называемый метод нависающих завес. Сводился он к тому, что в ограниченном районе моря сосредоточивалось до шести самостоятельно действовавших подводных лодок. Все они держали связь с авиационной разведкой. Обнаружив вражеский конвой, самолеты-разведчики сообщали подводникам его местонахождение и курс движения. По этим данным подводные лодки выходили наперерез противнику и наносили последовательные удары. 17 мая таким способом совершили атаки М-201 капитан-лейтенанта Н. И. Балина и С-15 капитан-лейтенанта Г. К. Васильева. Они потопили немецкий сторожевик и крупный транспорт. Чуть позже в

нависающей завесе участвовало уже пять подводных лодок. 20 июня самолеты-разведчики навели их на большой конвой. Враг понес тяжелый урон. Выдающегося успеха добился экипаж С-104. Одним четырехторпедным залпом лодка потопила транспорт водоизмещением восемь тысяч тонн, тральщик и противолодочный корабль.

Всего в 1944 году было проведено пять таких операций. Все они прошли успешно. Каждый раз, когда лодки возвращались с моря, командующий флотом собирал подводников и летчиков, чтобы обсудить итоги их совместных действий и подумать, как еще лучше поставить дело.

Весной 1944 года флот получил десятки новых торпедных катеров. А. Г. Головко объединил их в бригаду. Во главе ее стал прибывший с Тихого океана опытный катерник капитан 1-го ранга А. В. Кузьмин. До войны считалось, что торпедные катера не могут вести боевых действий на Севере - слишком суровые условия для этих малых кораблей. Поэтому и были их здесь единицы. Но осенью 1944 года стремительные катера под командованием Г. К. Светлова и А. О. Шабалина внезапно атаковали вражеский конвой, потопили миноносец и транспорт. Спустя несколько дней тот же А. О. Шабалин в паре г командиром другого катера П. И. Хапилиным отправили ко дну еще один вражеский транспорт. (Пометка в дневнике: "Надо всячески поощрять боевые способности Шабалина и заодно представить его к очередному званию. Слишком засиделся он в старших лейтенантах, хотя воюет лучше иного капитана 2-го ранга".) Успехи катерников множились, они доказали, что и в условиях Севера торпедные катера - могучая сила. Теперь, когда кораблей прибавилось, командующий потребовал использовать эту силу с максимальным эффектом.

Вместе с Кузьминым они объехали все прибрежные бухты, выбирая место для базирования бригады. Остановились на Пумманках - небольшой бухточке в Варангер-фиорде.

- Здесь вы будете костью в горле противника, - сказал командующий.

Он же предложил расположить командный пуню бригады на вершине прибрежной горы:

- Отсюда просматривается весь залив. Отсюда и будете управлять катерами. Это надежнее и удобнее, чем управление с одного из кораблей. И связь будет надежнее, и легче организовать взаимодействие с другими кораблями и авиацией.

О взаимодействии катеров и авиации Головко особо заботился. Перед командованием ВВС флота он поставил вопрос: нельзя ли организовать оперативный пункт штаба авиации в

непосредственной близости от КП катерников на Рыбачьем? Авиагоры пытались возражать: дескать, нынче, слава богу, XX век, существует радио, телефон; если катерникам понадобится помощь летчиков, так снестись со штабом ВВС им не составит большого труда.

- Бог-то бог, но, как говорят в народе, "и сам не будь плох, - улыбнулся адмирал. - Снестись с вами по радио или телефону катерники, конечно, смогут. Но ведь вы наверняка начнете еще думать: "Подбрасывать требуемые самолеты или нет?" А тут каждая минута дорога.

- Почему же, если в том будет действительно нужда.

- Вот, вот, "если будет". А чтобы таких вопросов вообще не возникало, вы оперативный пункт своего штаба по соседству с КП Кузьмина и организуйте. Двух дней на это достаточно? Значит, договорились.

По настоянию адмирала во главе оперативного пункта авиации были поставлены наиболее инициативные офицеры штаба ВВС флота.

За короткий срок в Варангер-фиорде были одержаны крупные победы. Массированные удары авиации, катеров и береговой артиллерии привели к полному разгрому нескольких больших конвоев противника.

Руководство крупными операциями командующий флотом обычно осуществлял сам. Так было 15 июля 1944 года. Адмирал склонился над большой картой Варангер-фиорда, принимал донесения и с помощью циркуля и масштабной линейки производил расчеты. Тонкой чертой на карте обозначился путь вражеского конвоя. Вот здесь фашистские корабли выйдут из узкого пролива. Тут их и надо атаковать. Адмирал красным карандашом начертил жирный крест и обвел его кружком. Катерники, летчики бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей уже получили подробные инструкции. Теперь им сообщается место и время удара.

Внешне командующий флотом был спокоен. Ровно звучал его голос, когда он отдавал последние распоряжения офицерам-операторам. Только лицо побледнело и в прищуренных глазах светилась необычная сухость.

Он отошел от карты, устало ссутулившись, опустился в кресло. Адмирал сделал все, что ему положено. Теперь очередь за исполнителями. В ход боя он не вмешивался, чтобы не мешать им.

Из динамиков доносились возбужденные голоса летчиков и катерников. То и дело они перекрывались шумом - радиопомехи сливались с отзвуком взрывов пушечных и пулеметных очередей.

Через сорок минут, как после грозы, наступила тишина. Было слышно лишь, как командир дивизиона собирает рассыпавшиеся по заливу торпедные катера. Летчик самолета, специально выделенного для наблюдения за боем, доложил, что потоплено девять вражеских судов. Два подбитых транспорта выбросились на берег.

А 18 августа катерники и летчики добились еще более значительной победы. Напав на вражеский конвой, насчитывавший 32 вымпела, они потопили 15 судов. Ни один вражеский транспорт не дошел до цели.

В результате ударов советских кораблей и авиации порты Петсамо и Киркенес были накрепко блокированы. Это до крайности усложнило снабжение фашистских войск.

Штаб флота разрабатывал операцию "Вест". Она должна была явиться составной частью стратегического удара, намеченного Ставкой. Флоту во взаимодействии с войсками Карельского фронта предстояло решительным наступлением разгромить лапландскую группировку противника и освободить Печенгу и Киркенес.

Операция готовилась тщательно и всесторонне. На полуостровах Рыбачьем и Среднем скрытно сосредоточивались части морской пехоты. В бухтах стояли наготове корабли, чтобы принять на борт десантников. На позиции противника нацеливались 209 стволов артиллерии. Готовы были обрушить огонь на врага эсминцы. Чтобы прикрыть войска и корабли от налетов авиации, на аэродроме дежурил полк истребителей.

Походный штаб командующего флотом на двух больших "охотниках" прибыл из Полярного в Озерко на полуострове Среднем, где был создан выносной пункт управления. Здесь уже находились командные пункты командующего группой сухопутных и десантных войск генерал-майора Е. Т. Дубовцева и командира высадки контр-адмирала П. П. Михайлова. Поблизости расположились командные пункты командующего ВВС флота генерал-майора авиации Е. Н. Преображенского и командира бригады торпедных катеров капитана 1-го ранга А. В. Кузьмина.

Наступление войск Карельского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова началось утром 7 октября. Прорвав оборону противника, они за два дня достигли реки Титовки и форсировали ее. Гитлеровцы хвастливо заявляли, что "гранитный северный вал", как они называли три полосы своих укреплений в районе Печенги, неприступен. Незадолго до нашего наступления был перехвачен приказ командира 2-й немецкой горнострелковой дивизии генерал-лейтенанта Дигена.

Фашистский генерал заявлял: "Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши сильно укрепленные позиции, а затем уничтожим их мощным контрударом... Мы именно здесь должны показать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них непреодолим".

Но в первые же дни советского наступления фашистская оборона затрещала по всем швам. Гитлеровцы, отстаивая каждый рубеж, вынуждены были откатываться на запад. И тогда в ночь на 9 октября им был нанесен удар с моря.

Чтобы обеспечить успех десанта, командующий Северным флотом предпринял высадку небольших отрядов, которые своими демонстративными действиями должны были отвлечь внимание противника. Высаживались они на побережье Мотовского залива восточное полуострова Среднего.

- Создавайте больше шума! - требовал Головко от командиров десантов и кораблей, которые направлялись в этот район.

Моряки постарались. Шума и дыма они подняли столько, что немецкие радисты заполнили эфир паническими воплями. Только и слышалось: "Мотовский залив!.. Мотовский залив!" Десантники строчили из автоматов, жгли дымовые шашки. Катера выпускали по берегу торпеды, и грохот взрывов сотрясал скалы. Эскадренные миноносцы били по переправам гитлеровцев на реке Титовке. Фашисты решили, что высаживается целая дивизия, и спешно перебрасывали сюда войска.

А тем временем значительно западнее десятки быстроходных кораблей под покровом ночи мчались к южному берегу губы Маативуоко (Малая Волоковая). На них находилось в общей сложности около 3 тысяч бойцов морской пехоты. Внезапность удара позволила высадить десант с ничтожными потерями (один убитый, пять раненых) Той же ночью после мощной артиллерийской подготовки двинулись на штурм хребта Муста-Тунтури части Северного оборонительного района. Морские пехотинцы шли сквозь пургу. Колючий снег слепил глаза, ноги скользили по обледенелым скалам. Гитлеровцы яростно отстреливались, цепляясь за каждый камень. Но ничто не могло остановить натиск советских бойцов. К полудню морские пехотинцы форсировали хребет и соединились с десантом, наступавшим на фланге, а затем и с частями Четырнадцатой армии. Вскоре наши войска вышли на побережье Печенгского залива. Широкая водная преграда приостановила дальнейшее продвижение.

Вечером 10 октября А. Г. Головко был на КП командира бригады торпедных катеров.

- Готовьте катера для прорыва в Лиинахамари. Вместе с

морскими охотниками Зюзина захватите пятьсот десантников. Высаживать прямо на пирсы порта. Учтите: кадры для будущей нашей Печенгской базы уже подобраны.

- А как батареи на мысе Крестовом? Они же закрывают туда вход, словно пробка в бутылку...

- Туда уже пробиваются разведчики Барченко и Леонова. Я надеюсь на них. Где карта?

И вновь раздумья над картой. Порт Лиинахамари расположен в устье Печенгского залива. Вход здесь узкий, извилистый. В скалах берега гитлеровцы укрыли батареи. А самые опасные из них - на мысе Крестовом, преграждающем вход в залив.

- Кто из ваших раньше бывал в Лиинахамари? - спросил командующий.

- Только Шабалин.

- Хорошо. Попытаемся найти вам в помощь и старых лоцманов, которые знают здесь каждую извилину залива.

Решили, что первыми в залив направятся два катера под командованием капитан-лейтенанта А. О. Шабалина. Они высадят головную группу десанта и вместе с тем разведают путь для остальных катеров, в случае необходимости пробьют проходы в заграждениях - бонах и сетях. За ними пойдут пять катеров капитана 2-го ранга С. Г. Коршуновича. И наконец, последними с основными силами десанта в порт прорвутся пять наших малых "охотников" капитана 3-го ранга С. Д. Зюзина. Их будет прикрывать дымовыми завесами еще один торпедный катер.

- Когда же начнем? - спросил Кузьмин.

- Сразу же, как будет взят Крестовый. На ночлег командующий флотом расположился в землянке Кузьмина. Часу в четвертом утра их разбудил связист. Он принес срочную телеграмму. Подсветив фонариком, Головко прочитал ее и протянул Кузьмину.

- Вот и благословение получено. Нарком интересуется, какова будет роль флота в освобождении Печенги, и считает весьма желательным участие флота в занятии будущей военно-морской базы и крупнейшего пункта на Севере.

- Как? - удивился Кузьмин. - Значит, вы послали разведчиков на мыс Крестовый и приказали готовить десант, еще не имея никаких указаний Центра?

- Обязанность подчиненного - предугадывать мысли начальства, - рассмеялся адмирал. - Мы так и поступаем. Ведь и без подсказки со стороны было очевидно, что высаживать десант там необходимо. Лиинахамари - ключ к Печенге. А ключ к Лиинахамари - батарея на мысе Крестовом. Так зачем же было время терять? Теперь мы доложим Москве, что не только горим

желанием выполнить приказ, но кое-что уже делаем... Немецкий гарнизон Лиинахамари ждет удара откуда угодно, но только не с моря. А мы нагрянем именно с моря...

12 октября разведчики доложили, что они пробились на мыс Крестовый и атакуют расположенные там батареи.

- Теперь слово за вами с Зюзиным, - сказал адмирал Кузьмину. - Созовите командиров кораблей и подразделений десанта.

Когда все собрались, Головко объяснил офицерам задачу и проводил их до причала. А там с катера на катер передавался испещренный подписями лист. Головко прочитал его.

"Настал долгожданный час для нас, катерников-североморцев, добить фашистских захватчиков в Заполярье, вернуть стране Печенгу и навсегда утвердить там победоносное знамя нашей Родины. Мы клянемся, что, не жалея ни сил, ни самой жизни, с честью выполним эту задачу! За нашу прекрасную Родину!.."

- Кто это написал? - спросил командующий.

- Сообща сочинили, - отозвались матросы. Адмирал подал лист одному из политработников:

- Немедленно передайте в редакцию. Пусть утром же будет напечатано в газете.

Через два часа катера Шабалина на полном ходу влетели в теснину фиорда, мгновенно превратившегося в огненный коридор. Оба берега гремели выстрелами. Не сбавляя скорости, Шабалин прижался как можно ближе к западному берегу - он обнаружил мертвое, непростреливаемое пространство. Вот и порт. Десантники на ходу спрыгивают на берег, занимают оборону, захватывают причалы. А катерники спешат навстречу другим кораблям. Стрельба в порту не стихает. Но все новые десантники кидаются в атаку.

Двое суток шли бои за Лиинахамари. 14 октября сюда вновь прорвались катера. На этот раз они пришли, чтобы переправить наши войска с восточного на западный берег Печенгского залива.

Кругом еще полыхали пожары. Головко с возвышенности оглядывал окрестность.

- Ну, здравствуй, Печенга, русская земля! Адмирал стоял без фуражки. Ветер развевал рано поседевшие волосы.

Под холмом шли пехотинцы и моряки. Они спешили дальше на запад, к Киркенесу. Там уже была Норвегия. Советские воины шли освобождать ее многострадальный народ от фашистского ига. Через неделю и там стихнут выстрелы.

А севернее, в штормовых просторах Ледовитого океана, бои будут продолжаться до самых последних дней войны. Но теперь

уже никто не сомневался, даже наши недруги, что исход борьбы предрешен и полный разгром врага неминуем.

...Таким и запомнился адмирал Головко всем, кто знал его, - неутомимым и устремленным вперед.

Арсений Григорьевич прожил яркую жизнь и до конца дней своих был связан с морем, с флотом. После войны работал начальником Главного морского штаба, командовал дважды Краснознаменным Балтийским флотом, с ноября 1956 года первый заместитель главнокомандующего ВМФ. При его участии флоты оснащались новым оружием и новыми кораблями. Боевой адмирал щедро дарил опыт и знания молодому поколению матросов и офицеров.

Правительство, народ высоко оценили его заслуги перед социалистическим Отечеством. Свидетельство тому - награды: четыре ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Ушакова 1-й степени, орден Нахимова 1-й степени, два ордена Красной Звезды и многие медали.

Умер он в расцвете творческих сил 17 мая 1962 года на 56-м году жизни. Народная память свято бережет его имя. Адмирал Головко живет в делах советских военных моряков, в названиях кораблей и городских улиц.